
Владимир ЧИСНИКОВ

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ПО СВЕДЕНИЯМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ (1861—1896)*

ЧАСТЬ 2. «ТОЛСТОВЕДЫ» ИЗ... ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Второй раздел «Сведений...» департаментские «толстоведы» посвятили анализу тридцати сочинений графа Толстого, написанных в конце 70-х годов, в которых излагаются основные положения его учения. По их утверждению, подавляющее большинство этих работ писателя не могли быть разрешены цензурой к публикации в России. Поэтому часть их была напечатана за границей, некоторые из них были воспроизведены посредством гектографа, литографии, и в таком виде распространяются между читающей публикой.

По мнению жандармов, Толстой одновременно является «и богословом, и философом, и моралистом, и политико-экономом и социологом, и, наконец, проповедником чисто политических учений». Распределить все написанные им за последние годы сочинения на особые разряды представляется очень затруднительно.

Обосновывая последовательность рассмотрения сочинений Толстого, они указывают, что в основе всего толстовского учения лежит проповедуемое им понимание христианства. Поэтому в первую очередь рассматриваются те произведения писателя, которые «носят более богословский характер и касаются, главным образом, его философии и морали». К этой группе они относят: «Исповедь», «Критика догматического богословия», «Исследование Евангелия», «Краткое изложение Евангелия», «В чем моя вера», «Церковь и государство», «О религии и нравственности» и др. (всего 14 работ).

Затем уже будут изложены произведения с чисто политическим содержанием, представляющие «практический вывод из преподаваемого им учения». Сюда они относят: «Письмо к Энгельгардту», «Ходите в свет, пока есть свет», «Какова моя жизнь и что же нам делать?», «Николай Палкин», «Работник Емельян и пустой барабан», «Царство Божие внутри вас», «Предисловие к жизни и смерти Дрожжина», «Заключение к статье „Гонение на духоборцев“» и др. (всего 16 работ).

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году, доктор юридических наук (2018), доцент (1996), главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины (Киев).

* Продолжение. Начало см.: «Нева», 2020, № 8.

НЕВА 9'2020

II. СОЧИНЕНИЯ ГРАФА ТОЛСТОГО

Учение гр. Толстого изложено им в целом ряде произведений, написанных с конца семидесятых годов, большая часть коих, по цензурным условиям, не могла быть разрешена к печатанию в России; сочинения эти частью напечатаны за границею, отчасти же воспроизведены посредством гектографа, литографии, и в этом виде распространяются между читающей публикой.

Учение это обнимает все стороны человеческой жизни, которую автор желает изменить в корень на основании своих, называемых им истинно христианскими, идеалов». Толстой является одновременно и богословом, и философом, и моралистом, и политико-экономом и социологом, и наконец проповедником чисто политических учений.

Распределить все написанные им за последние годы сочинения на особые разряды представляется поэтому затруднительным, так как каждое из этих сочинений, кроме специального своего предмета, касается мимоходом и других сторон его учения, тем более, что и все последнее, при всей своей видимой разнообразности, является ничем иным как последствием толкования Толстым некоторых частей Евангелия и главным образом «Нагорной проповеди», этой, по заключению автора, сущности всего христианского учения.

Центр всего толстовского учения заключается в проповедуемом им понимании христианства, поэтому ранее всего и должны быть рассмотрены те его произведения, которые носят более богословский характер и касаются, главным образом его философии и морали. Затем уже будут изложены произведения с чисто политическим содержанием, представляющие, так сказать, практический вывод из преподаваемого им учения.

К первой группе могут быть отнесены: «Исповедь», «Критика догматического богословия», «Исследование Евангелия», «Краткое изложение Евангелия», «В чем моя вера», «Церковь и государство», «О религии и нравственности», «О разуме и религии», «Послесловие к Крейцеровой Сонате», «О жизни», «Три сына», «Сорок лет», «Предисловие к сочинению Бондарева» и «Письмо к французу».

Ко второй: «Письмо к Энгельгардту», «Ходите в свет, пока есть свет», «Письма о голоде», «Заключение к отчету о помощи голодающим», «Какова моя жизнь и Что же нам делать?», «Что можно и чего нельзя делать христианину», «Николай Палкин», «Работник Емельян и пустой барабан», «Два письма о Генри Джордже», «Собственность», «Деньги», «Христианство и патриотизм», «Царство Божие внутри вас», «Письмо к редактору «Daily Chronicle», «Предисловие к жизни и смерти Дрожжина» и «Заключение к статье «Гонение на духоборцев».

ИСПОВЕДЬ

Гр. Толстой выясняет в этом сочинении, написанном им в 1879 г., тот путь, следуя которому он пришел к заключению о необходимости для человека веры, но не той, якобы, христианской веры, которой учит православная, католическая, протестантская и другие церкви, а действительной, заключающейся исключительно в Евангелии.

Сделавшись еще в юности, как большинство людей его круга, человеком неверующим, Толстой, по его словам, не мог все-таки не остановиться на вопросе что же такое человеческая жизнь, зачем человек существует на свете. Не находя разрешения этого вопроса в утраченной им вере, он стал думать, подобно большинству образованных людей, что смысл человеческой жизни заключается в прогрессе, постепенном усовершенствовании сперва нравственном, а затем и вообще, улучшении жизни в смысле комфорта, богатства. Руководствуясь этим критерием, он и устроил свою жизнь. Но ког-

да к 50 годам он достиг того, что люди привыкли называть счастьем, ему невольно стал представляться вопрос, а что же «потом»? что выйдет из моей жизни, зачем существует все то, что существует, и зачем я сам существую?

За разрешением этого вопроса он обращается к науке, но последняя не может дать ему какого-либо ответа. Он впадает, в такое нравственное состояние, что ему приходит в голову, все чаще и чаще, мысль о самоубийстве, как об единственном возможном исходе. «Я будто жил, жил, — говорит автор, — шел, шел и пришел к пропасти и ясно увидал, что впереди ничего нет, кроме гибели, а остановиться нельзя, и закрыть глаз нельзя, чтобы не видеть, что впереди ничего нет кроме страданий и настоящей смерти, полного уничтожения».

Не найдя ответа в знании, Толстой начинает наблюдать окружающих его людей своего круга, с целью выяснить, как они стараются выйти из такого же положения. Результат этих наблюдений указывает ему, что подобных выходов существует четыре: 1) неведение, т. е. непонимание того, что жизнь есть зло, бессмыслица; 2) эпикурейство, пользование жизнью, не думая о будущем; 3) сила и энергия, т. е. признание, что жизнь есть зло и окончание ее самоубийством и 4) слабость, признание жизни злом и глупостью и тем не менее продолжение ее. Не считая для себя возможным избрать одно из перечисленных решений, автор, думая узнать смысл жизни в наблюдении простого народа; вглядываясь в жизнь последнего, он понимает, что принципом, руководящим его в жизни является вера, но именно та вера, которой он, Толстой, иметь уже не может, вера в то, что в нем лично разрушено разумом та вера, «которая нас учит, что Бог один и три, творение в 6 дней, дьяволы, ангелы, и все то, что я не могу принять, пока я не сошел с ума», говорит автор. Он, однако, старается снова поверить, как в детстве, но попытки не увенчиваются успехом; тогда он начинает замечать, что те положения христианской религии, в которые отказывается верить его разум, в действительности не представляются вытекающими из существа учения Христа, а впоследствии уже прибавлены учением церкви. Он начинает изучать христианское учение по его первоисточникам и приходит к тем выводам, которые и излагает далее в своих сочинениях: «В чем моя вера?», «Критика догматического богословия» и проч.

КРИТИКА ДОГМАТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Ознакомление с содержанием этого сочинения приводит к заключению, что гр. Толстой пришел к полному отрицанию всего учения Православной Церкви. Он заявляет, что если бы его вера основывалась на богословских книгах, то прочтя их, он сделался бы не только безбожником, но и злейшим врагом всякой веры, потому что нашел в этих учениях не только бессмыслицу, но и сознательную ложь людей, избравших веру в Бога средством достижения личных целей. «Читая эти книги, говорит Толстой, невозможно воздержаться от негодования, так как в них нельзя найти ни одной ясно выраженной мысли. Все богословское вероучение есть искусственный свод выражений верований самых различных людей, который никому не нужен и в который никто никогда не мог верить; самые приемы изложения богословских истин — те самые, с которыми приступают к изложению заведомой лжи».

Разбирая затем, в частности, учение Православной Церкви об отдельных догматах, Толстой постепенно приходит к отрицанию догматов: о Троичности Божества, и в связи с ним об Искупителе и всех догматов, относящихся к домостроительству нашего спасения. По словам Толстого, признанием догматов о Троичности Божества он «отверг бы сознание своей разумной души и сознание Бога. Страшный и кошунственный догмат этот противен человеческому разуму и не имеет никаких оснований ни в писании, ни в предании, ни для кого и ни для чего не нужен, не дает никакого нравственного правила и есть набор слов, ничем между собой не связанных». Далее и богословское из-

ложение грехопадения первых людей, по мнению гр. Толстого, «противоречит словам Библии; учение о бессмертии Адама в раю и участие дьявола в его падении — богословская выдумка».

В учении о неизменяемости Бога Толстой видит «пошлые уловки обмана и, вместо доказательств, — жалкую мошенническую подтасовку»; учение об искуплении считает «чистым баснословием, так как все знают и верят, что крестные страдания Христа в действительности ни от чего не освободили людей; они остались такими же, какими были до Христа и при нем; учение это наклепывает на Бога не свойственную Его благодати и правосудию несправедливость: казнь потомков за чужой грех».

Учение о Божественном происхождении Иисуса Христа Толстой также отвергает. Он указывает что «Сам Христос говорил: „Я не сын Бога особенный, а Я сын Бога только тем, что исполняю Его волю“. С этим (т. е. признанием его Богом) Он боролся всю жизнь, и это самое навязали Ему и хотят доказать, что Он говорил то, от чего отрекается. Таким образом, богословское учение требует чтобы слова Христа понимали не так, как говорил Он и ученики Его, — чтобы верили не здравому смыслу, а Церкви, которая утверждает противоположное тому, что Христос говорил о Себе. Кто верит в Бога, для того Христос не может быть Богом».

Основание учения о Божественном происхождении Христа, Толстой объясняет тем, что «грубые люди не поняли учения Апостолов и со свойственным грубым людям упорством стояли за свое понимание, а на Вселенских Соборах закрепили это ужасное заблуждение». Затем точно также Толстой отвергает учение о преемственности от Христа Церковной иерархии, о ниспослании благодати посредством таинств, которые называет прямо «жреческими обрядами», установленными церковью из корыстных целей. Учение о благодати, по словам Толстого, «кроме цели отвода глаз верующих от неисполнения обещания искупления и кроме приобретения доходов духовенству, носит в себе еще тот ужасный зачаток безнравственности, который извратил нравственность поколений, исповедующих это учение. Оно содержит в себе обман о том, что человек всегда порочен и бессилен, и стремления его к добру всегда бесполезны, если он не усвоит себе благодати».

Самые таинства, по убеждению Толстого, «ложь и обман, не имеют никаких оснований в Писании, не установлены Христом, придуманы церковными иерархами для личных выгод и суть чисто внешние действия, как заговор от зубов». Таинство Причащения он называет «сумбуром»; учение о мздовоздаянии для лиц, не приемлющих таинств, представляется несправедливыми, так как не всегда зависит от человека окреститься, помазаться, причаститься и т. п. Наказание в этих случаях разрушает понятие о справедливости Бога. Толстой находит, что по новой благодати, как учит церковь, — Бог представляется несправедливым судьей, каким-то шальным, казнящим за то, что вне воли человека. Необходимость побуждения людей к исполнению таинств привело к учению о мздовоздаянии, каковое, с точки зрения Толстого, выразилось в ужасающем безобразии: «Бог, чтобы спасти всех людей, отдал Своего Сына на казнь, и отсюда выходит, — по словам автора, — что если поп с причастием опоздает, то я пойду, если не прямо в ад, то все таки мне будет худо, — много хуже, чем тому, кто награбив много денег, наймет попа, или попов, так чтобы они всегда при нем были».

Наконец Толстой не признает праздников, св. мощей, прямо называя последние «набитыми соломою чучелами» и говорит, что в них не верят даже ученики Семинарий и перестают уже верить мужики; не признает он также поклонения иконам и Св. угодникам находя, «что Бог может разобрать все один, без адвокатов». Что же касается до учения Церкви о «мире духовном и его иерархии» (ангелах и злых духах), то таковое, по мнению Толстого, измышлено церковью, по-видимому, для оправдания существующего неравенства между людьми и доказательства необходимости повиновения земным властям.

Независимо сего в настоящем сочинении встречаются положения прямо противоположные. Так, между прочим, при разборе учения церкви о Христе как Даре небесном, говорится: «Почему Христос называется несвойственным Ему именем Царя, которое не только Бог Христос, но и всякий нравственный человек не захочет принять» и «Царское достоинство считается церковью чем то хорошим, и она придает Его Христу тому, Который блажил нищим, им проповедовал и Сам говорил, что „последние будут первыми“».

«Помню, — оканчивает гр. Толстой настоящее сочинение, — когда я еще не сомневался в учении Церкви, читая Евангельские слова „хула на Сына человеческого простится вам, но хула на Св. Духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем“, я никак не мог понять этих слов. Теперь же они, эти слова, мне слишком, ужасно, ясны. Вот она, та хула на Св. Духа, которая не простится ни в этом веке, ни в будущем. Хула эта — это ужасное учение церкви, основа которого есть учение о Церкви».

ИССЛЕДОВАНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ И КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

Исследование Евангелия гр. Толстой начинает отрицанием боговдохновенности книг Священного Писания Нового Завета (Ветхий Завет, заключающий в себе «местную веру евреев» им прямо отбрасывается), находя, что большинство тех из числа их, которые признаются Церковью каноническими, в действительности «грубы, нескладны, исполнены противоречий и бессмыслицы», а некоторые, как например Деяния Св. Апостолов «безнравственны и прямо соблазнительны». В отношении книг четырех евангелистов автор находит «что не только не предосудительно откидывать из Евангелий ненужные места, освещать одни другими, но напротив того предосудительно и безбожно не делать этого, а считать известное число букв и стихов священными».

Руководствуясь преподанным им методам, гр. Толстой составляет из четырех Евангелий одно сводное, располагаемое затем в особом, измышленном им порядке, соответствующем, по его мнению, словам молитвы Господней. Выбирая из текстов Евангелия те, которым он может дать, путем натяжек или произвольных толкований, требующийся ему смысл, гр. Толстой, встречаясь с текстами, противоречащим его толкованию, или прямо их отбрасывает, находя, «что в этих стихах потерян смысл» или же придает им совершенно извращенное значение.

Как образчик подобного способа исследования можно указать на толкование придаваемое им словам, произнесенным Пилатом при представлении Христа народу: «*ессе homo*». Толстой полагает, что слова эти в устах Пилата не имеют смысла, а потому делает заключение, что в действительности они сказаны самим Иисусом Христом. Отсюда вывод, что сам Христос отрицал свое божественное происхождение, называл себя человеком, и только человек и т. д. При рассмотрении того отдела Евангелия, в котором изложена тайная вечеря, Толстой, отрицающий как известно божественное установление Таинства Евхаристии, называет евангельский рассказ об этом «ужине» — «одним из самых незначительных и ненужных мест»; упоминая о чуде претворения воды в вино при браке в Кане Галилейской, автор тоже не находит сказать чего-либо другого, кроме «если это чудо, оно бессмысленно, если фокус, то это оскорбительно, если бытовая картинка — она не нужна».

Толкования, преподаваемые церковью на тот или другой Евангельский текст, Толстой признает или явно ложными, или «идолопоклонными» или же «исполненными явного комизма». Из Евангелия он выбрасывает все, что относится до земной жизни Иисуса Христа, все чудеса, им сотворенные, находя последние «явно вымышленными» впоследствии его учениками, и кончает свое евангелие кончиною Иисуса Христа.

Все последующее, в том числе и воскресение из мертвых, — рассказ о коем «резко отличается своею низменностью, ничтожностью и просто глупостью» и «прямо противоположен всему учению Христа», — также придумано учениками с целью служить «рекламой», исторически необходимою для привлечения темного народа к верованию в христианство. Реклама эта, а равно и другая ей подобная — все учение о чудесах — в настоящее время, по мнению Толстого, уже совершенно не нужна, так как доказательство важности христианского учения основывается ныне исключительно на сознании его истинности.

Все учение Христа, по заключению автора, содержится в данной Им молитве Господней, которая и излагается гр. Толстым в предисловии к Краткому Евангелию в следующем виде: «Человек Сын Бог; Бог есть бесконечное духовное начало жизни; да будет свято это начало жизни; да осуществится Его власть во всех людях; и да совершится воля этого бесконечного начала, как в самом небе, так и во плоти; совершение воли духовного начала — да даст нам полное удовлетворение в каждый миг настоящего; и да не скрывают от нас этой истины ошибки заблуждения прошедшего; и да не вводят нас в обман; и тогда не будет зла; а будет Твоя власть, и сила, и разум».

В ЧЕМ МОЯ ВЕРА

Изучение Евангелия приводит гр. Толстого к тому выводу, что вся сущность учения Христа заключается в пяти заповедях, преподанных в Нагорной проповеди. Автор при этом отрицает толкования, которые даются означенным заповедям церковным учением, находя их или прямо противоположными самому смыслу этих заповедей или же основанными на, будто бы, появившихся впоследствии в их текстах добавлениях, происшедших отчасти от небрежности переписчиков, отчасти же вставленных с предвзятою целью неправильным толкованием исказить учение Христа и принизить его до языческого мировоззрения церковных учителей.

По толкованию Толстого, основанному на ряде филологических натяжек и самопроизвольных измышлений, сущность этих пяти заповедей в кратком виде может быть выражена следующими словами: 1) не сердись; 2) не блуди; 3) не клянись; 4) не противься злу насилием, а, следовательно, и не судись и 5) не делай различия между своим и чужеземцем. Центр всего учения заключается в заповеди о непротивлении злу насилием, из которой, как последствии, истекают все остальные; в каждой из заповедей перечислен один из тех соблазнов, которые уловляют человека во зло, отклоняют его от указанного Христом блага жизни, заключающегося в единстве со всеми людьми.

Первый соблазн есть «вражда к людям, гнев на них», происходящий главным образом от отделения себя от других людей, признании равным себе лишь некоторых из их числа. Поняв и усвоив себе это положение, автор приходит к тому выводу, что, следуя учению Христа, надо поступать именно противоположным образом, т. е. унижать себя перед другими. Этот вывод изменяет весь прежний его взгляд на жизнь; «все что мне казалось высоким и хорошим в ней — почести, слава, образование, богатство, утонченность жизни, обстановки и внешних приемов, — говорит Толстой, — теперь стала для меня дурным и низким, а мужичество, неизвестность, бедность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, приемов, стало теперь хорошим и высоким». Автор не может уже содействовать ничему, что возвышало его над другими, отдаляло от них, т. е. признавать званий, чинов, наименований, славы, знания, богатства и т. п.

Узнав второй соблазн — «блудную похоть», Толстой, по его словам, «не может не избегать всего того, что вводит его в этот соблазн: физической праздности, блудной жизни, разжигающих похоть потех: романов, стихов, музыки, театров, балов; не может оставлять жены, поощрять безбрачие зрелых для брака, содействовать разлуке му-

жей с женами» посредством допускаемого церковью развода, делать различие между совокуплениями, называемыми браком, и не называемыми таковыми и т. д.

Зло третьего соблазна «клятвы», по определению автора, заключается в том «что ею освещается обман, обязывающий человека повиноваться людям, когда он может повиноваться только Богу». Благодаря клятве, присяге, совершается самое страшное зло: убийство на войне, заключение, истязания, казни и т. п.; поняв учение Христа в этом отношении, Толстой уже не может признавать иначе как дурным и низким, все, что прежде казалось ему высоким: — обязательство верности правительству, подтверждаемое присягой, клятву на суде и т. п.

Уверовав в заповедь не сопротивления злу насилием, автор понял, что корень того зла, против которого восстает эта заповедь, заключается в стремлении людей отбирать посредством насилия результаты трудов других в свою личную пользу, в свою собственность, защищаемую насилием государства. Поняв это, он, по его словам, «не может уже приобретать собственности, употреблять насилие против кого-либо, быть судьей и начальником, участником в каком-либо начальстве».

Наконец, усвоив себе заповедь о неделании различия между своим и чужим народами, Толстой отрешился, и от других своих, по мнению его, заблуждений: любви к родине, отечеству, своему народу и государству, возможности служения им в ущерб другим и т. п. Напротив, того для него стало святым отречение от отечества, космополитизм. «Я не могу более желать успеха своему государству и народу, говорит автор, не могу признавать никаких государств и народов, участвовать в государственной службе, принимать участия в делах, основанных на различии государств: в таможах, сборах пошлин, приготовлении военных снарядов, военной службе самой войне. Не могу содействовать и другим, чтобы они делали это».

Толстой полагает, что в следовании этим заповедям заключается вся жизнь христианина, противные же им требования правительств не более как требования людей, не знающих истины. Христианин не должен исполнять их, а насилия, которым он за то будет подвергнут, дадут ему возможность на деле засвидетельствовать эту истину. «Не бойся малое стадо, — заключает он словами Евангелия, — ибо Отец ваш благословил дать вам царство».

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

«Вера есть смысл даваемый жизни, в искании этого смысла каждый человек пользуется всем тем, что выработало человечество; все выработанное человечеством в этом отношении называется откровением. Откровение есть, таким образом, то, что помогает человеку понять смысл жизни. Вот отношение человека к вере», этими словами начинает гр. Толстой свою статью о церкви и государстве и затем ставит вопрос почему же кто-нибудь, и в особенности церковь, может требовать от других верить именно в ту форму откровения, которую она считает почему-либо истинною, т. е. «навязывать ему подобие веры, т. е. обман веры». В чем же состоит и на чем основан этот обман? спрашивает автор и затем высказывает то положение, что «в христианстве весь обман построен на фанатическом понятии Церкви, ни на чем не основанном и поражающем с начала христианства своей неожиданной и бесполезной бессмыслицей».

«Из всех безбожных понятий и слов нет слова и понятия более безбожного, чем понятие Церкви, породившего более зла и наиболее враждебного учению Христа», продолжает гр. Толстой и старается доказать, что церковь в ее настоящем смысле явилась исключительно только потому, «что есть люди, которым без памяти хочется учить своей вере» и «что попу нужны лепешки и яйца, архиерею — дворец, кулебяка и шелковая ряса». Началом нынешней церкви, по мнению Толстого, было зло, нена-

висть, человеческая гордость, вражда против так называемых, еретиков и другое еще большее зло — «соединение христиан с властью». Два понятия: христианства и государства, как думает автор, совершенно друг другу противоположны: так как одно отвергает насилие, другое же исключительно на нем основано; соединились же эти два понятия оттого, что и с одной стороны Константин, Владимир и другие «потомки разбойников, грабивших и мучивших народ для удовлетворения своих похотей», начитавшись книг и пресытившись похотной жизнью, предпочли некоторые догматы христианства прежним верованиям, с другой же стороны современные им учителя в стремлении навязать всем именно свои формы откровения, «устроили им очень покойное христианство (через догматы искупления и таинств, признание их власти исходящей от Бога и т. п.), потребовали для себя лишь созыва вселенского собора, на котором и провели и укрепили именно свое учение. «И все стали довольны, и вот 100 лет эта самая вера (называемая им в другом месте не христианскою, а святодуховскою, никейскою) живет на свете», восклицает автор, «и другие разбойники атаманы ввели ее, и все они помазаны, и все, все от Бога. А попы за то — не только уж от Бога, но почти сами боги, потому что в них сидит Дух Святой. Сидит он и в попе, и в Синоде, с его командирами-чиновниками».

Получив власть, церковь, т. е. иерархия, неизбежно, по мнению автора, должна была «всякими ухищреннейшими соображениями» скрыть сущность самого христианского учения и для этого перенести центр его тяжести на внешнюю сторону, т. е. догматы, совершенно оставив в пренебрежении сторону нравственную.

О РЕЛИГИИ И НРАВСТВЕННОСТИ

Гр. Толстой находит, что обще придаваемые понятию «религия» значения (в том числе и то, что религия есть известное данное Богом людям откровение и вытекающее из этого откровения богопочитание) представляются неполными, так как не определяют сущности этого понятия, а только различные его признаки. По определению автора, сущность всякой религии заключается только в ответе на вопрос: зачем человек живет и какое его отношение к окружающему бесконечному миру. Этих отношений человека к миру существует только три: 1) первобытное личное, 2) языческое общественное или семейно-государственное и 3) христианское или божественное.

Первое состоит в том, что человек признает себя самодовлеющим существом, живущим в мире для приобретения в нем наибольшего возможного личного блага, независимо от того, насколько страдает от этого блага других существ; из этого отношения вытекают все языческие древние религии, а равно и низших формы позднейших религий, в их извращенном виде. При втором, общественном, отношении к миру, значение жизни признается уже в благе не отдельной личности, но известной их совокупности: семьи, рода, народа, государства, даже человечества; отсюда вытекают все религии патриархального и общественного характера, в том числе и современная «церковно-государственная», с ее молениями за благоденствие государства и военные успехи». Наконец, третье отношение человека к миру — истинно христианское, — в которое, по мнению автора, — и вступает уже ныне человечество, — состоит «в служении той воле, которая произвела его и весь мир, для достижения не своих целей, а цели этой воли». Всякий человек, вышедший из животного состояния, неизбежно признает одно из этих отношений, и в этом то признании и состоит его истинная религия, не смотря на то, к какому исповеданию он номинально признает себя принадлежащим.

Гр. Толстой останавливается затем подробно на разборе могущих быть предъявленными ему возражений о том, что установление отношений человека к миру есть в действительности дело не религии, но философии, а следовательно, и науки. Он считает

подобное предположение не только совершенно ошибочным, но и служащим главной причиной той путаницы понятий о религии, науке и нравственности, которые, по мнению его существуют в настоящее время. Философия, по объяснению Толстого, всегда была только исследованием того, что вытекает из установленного религиею отношения человека к миру, положительная же наука — исследованием и изучением тех предметов и явлений, которые представляются подлежащими исследованию вследствие того или другого, господствующего в данное время, одного из этих отношений.

Определив, таким образом, религию «как установленное человеком между собою и вечным и бесконечным миром или началом и первопричиной его известное отношение», Толстой указывает далее, что нравственность есть «всегдашнее руководство жизни, вытекающее из этого отношения»; она заключена в даваемом религиею объяснении жизни и потому никак не может быть отделена от религии. Поэтому нравственных учений существуют также только три: 1) первобытное, дикое, личное; 2) языческое, семейно-государственное или общественное — господствующее в настоящее время и требующее жертвы личности для блага государства и 3) христианское.

Последнее требует отречения от личной воли и блага не только личного, но и семейного, общественного и государственного «для исполнения людьми открытой в их сознании воли Пославшего нас в жизнь», почему, по учению Толстого, «всякое нарушение теперешних порядков человеком, который откажется от участия в суде, в военной службе, в уплате податей, употребляемых на военные приготовления, — будет не только не противно нравственности, но необходимым условием проявления ее»

ПИСЬМО О РАЗУМЕ И РЕЛИГИИ

В этом письме гр. Толстой проводит мысль, что человек для выяснения смысла своей жизни, т. е. своей религии, должен исключительно руководствоваться своим разумом. Толстой признает ошибочным то положение, что религия основывается на вере, откровении, так как, по его мнению, можно верить только в то, что не противоречит разуму. «Если человек верит в то, а не в другое, то только потому, что разум его говорит ему, что в это не надо верить, а в это надо». Воля Бога, в исполнении которой и заключается весь смысл жизни, познается «не каким-либо необыкновенным чудом, написанием божественным пальцем закона на скрижалях, или составлением через посредство Святого Духа непогрешимой книги и т. п.», а только деятельностью разума всех людей, передающих затем другим достигнутое ими сознание истины.

Поэтому, по мнению автора, уяснение каждым человеком всей той религиозной истины, которая ему доступна, и выражение ее словами, — есть одна из главных и священных обязанностей человека.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЕ»

Означенное произведение отчасти помещено в печатном собрании сочинений Толстого, но, однако, в значительно измененной и сокращенной, против первоначальной, редакции. В полном виде «послесловие» существует лишь в гектографированных сборниках сочинений Толстого, изданных его последователями, а равно отгектографировано отдельными выпусками. «Послесловие» содержит в себе сущность учения графа Толстого о браке и потому ознакомление с ним хотя бы вкратце представляется необходимым для уяснения вообще этической стороны учения автора.

Основная мысль сочинения заключается в том, что брак представляется установлением не только не христианским, но даже прямо противоречащим всему смыслу христианского учения, требующего служению Богу и ближним, а не себе лично. Хри-

стос, по мнению Толстого, не только нигде не устанавливал брака, но скорее отрицал его; с христианской точки зрения брак является всегда падением, грехом.

Христос никогда не давал каких-либо определений жизни, говорит автор, а выставлял только идеал к достижению коего должно стремиться человеку; «церковные же, называющие себя христианскими, учения по отношению ко всем проявлениям жизни вместо идеала Христа поставили внешние определения и правила, противные духу учения. Это сделано по отношению к власти, суду, войску, церкви, богослужения; это сделано и по отношению к браку. Церковные учения установили брак, как церковное учреждение, т. е. определили внешние условия, при которых плотская любовь может для христианина, будто бы, быть безгрешною, вполне законною». Между тем идеал, установленный Христом в отношении плотских сношений заключается, наоборот, в полном целомудрии; это, однако, не значит, чтобы Христос вообще требовал от всех и всегда воздержания от плотских сношений. Идеал потому и идеал, что он содержится в идее, в мысли, представляет достижимым только в бесконечности; поэтому каждый человек, на какой бы ступени этого достижения идеала целомудрия он не находился, найдет в учении Христа руководство для своих дальнейших поступков.

Что делать чистому юноше и девушке? — соблюдать себя от соблазнов и стремиться к еще большему целомудрию мыслей и желаний; юноше и девушке, подпавшим соблазну плотской любви, — не попускать себя до падения; людям, которые не осилили борьбы и пали? — смотреть на свое падение не как на законное наслаждение (в браке) или временное, случайное удовольствие, а смотреть на это первое падение, как на единственное, как на вступление в неразрывный брак, связанный с рождением детей и воспитании их в истинном христианском направлении; наконец, людям, живущим в браке стремиться вместе к освобождению от соблазна, заменю отношений препятствующих служению Богу и людям, заменю плотской любви чистыми отношениями брата и сестры.

О ЖИЗНИ

Этическое, философское учение гр. Толстого о жизни изложено им в сочинении, носящем одноименное заглавие. Существо воззрения Толстого на жизнь заключается в общих чертах в следующем: человек имеет в глубине своей души неизгладимое требование, чтобы жизнь его была благом и имела разумный смысл; жизнь же не имеющая перед собой никакой другой цели как будущее, загробное существование (как учит нас церковь) или достижение только блага личного (как определяет понятие жизни наука) представляется ему злом и бессмыслием.

Истинное сознание жизни обнаруживается в человеке в тот момент, когда животная жизнь влечет его к своему благу, присущее же ему разумное сознание показывает ему на невозможность этого блага и указывает другое, заключающееся именно в отречении от блага животной личности. Отречение это и составляет закон жизни человека; если оно не совершается свободно, выражаясь в подчинении деятельности человека разумному сознанию, то наступает в каждом человеке насильно при плотской смерти его животной стороны.

Отречение от блага животной личности выражаются в том, что человек должен стремиться не к своему благу, а к благу других, исполнению закона «служения каждого всем и всех каждому», любить других более самого себя, следовать вложенному в сердце каждого закону истинной любви, состоящей в предпочтении других существ себе, в благоволении ко всем людям.

Жизнь есть только то, говорит автор «что я сознаю в себе, сознаю же я свою жизнь не так, что я был и буду, а так, что я есмь, никогда нигде не начинаюсь и не кончаюсь».

С сознанием жизни не соединяется понятие времени и пространства, жизнь в них только проявляется. Смерти поэтому не существует. Плотская смерть уничтожает лишь пространственное тело и временное сознание (подобно тому, как это делается ежедневно во сне), но она не может уничтожить того, что составляет основу жизни — особенного отношения к миру каждого существа (своего «я» каждого человека), установившееся не в этой «видимой жизни и начавшееся не вместе с телом».

Человек, который, следуя закону разума, изменил во временной, видимой жизни, внесенное им при рождении «я», в смысле увеличения любви к другим, не может бояться смерти и верить в нее, потому что сознает на самом себе постоянное, непрерывное возрастание нового живого существа, не вмещающегося уже в существование плотского человека. «Видимая жизнь есть, таким образом, часть бесконечного движения жизни».

ТРИ СЫНА

Под видом притчи об отце и трех сыновьях Толстой разъясняет то положение, что истинная жизнь человека заключается в следовании примеру и указанию Бога, в том именно, чтобы делать добро людям.

Отец, имевший трех сыновей, выделил каждому часть своего имущества, преподав им наставление, «чтобы они жили как он» и тогда им всегда будет хорошо. Поняв каждый по-своему как жил отец, два первых сына совершенно разорились и один из них кончил жизнь самоубийством. Они полагали, что отец жил или в свое удовольствие, или же для того, чтобы собрать и устроить свое имение; следуя этому предположению, первый промотал данное ему имущество, второй же, стараясь узнать каким путем отец собрал и устроил имение и нельзя ли устроить это лучше, погубил все полученное от отца, а нового ничего не выдумал. Третий сын разрешил вопрос в том смысле, что отец вскормил, воспитал и наделил его имуществом, т. е. сделал ему добро, а потому и «жить как отец» значит делать добро. Как он только додумался до этого решения, явился отец, и подтвердил правильность его вывода.

«Отец — это Бог, говорит Толстой, сыновья — люди, имение — жизнь». Люди иные проводят жизнь в веселье, другие в искании ее смысла и желании устроить ее лучше, чем устроил ее Бог, и эти люди губят свою жизнь, наконец, есть и такие, которые понимают, что смысл жизни заключается в служении другим и делании блага людям, и как только они начинают поступать таким образом, Бог является им и говорит: «Этого самого я и хотел. Делайте со мною вместе то, что я делаю, и как я живу, так и вы жить будете».

ОКОНЧАНИЕ МАЛОРОССИЙСКОЙ ЛЕГЕНДЫ «СОРОК ЛЕТ», ИЗДАННОЙ В 1881 ГОДУ КОСТОМАРОВЫМ

Содержание рассказа заключается в описании тех мучений совести и боязни ответственности в будущей жизни, которые в течении сорока лет испытывал богатый купец, совершивший в молодости убийство с целью ограбления. По истечении сорока лет со дня убийства, когда именно ему было предсказано наступление божеской кары за учиненное преступление, купец из разговора с своим сыном, атеистом, приходит к заключению, что Бога не существует. Он только выдуман, а единственным законом, управляющим жизнью людей, должен быть признан закон борьбы за существование. Сделав этот вывод и вполне им проникнувшись, купец «освободился от всякого страха», тем более, что никакой предсказанной ему кары и не наступило.

К означенному рассказу гр. Толстой написал эпилог, основная идея которого та, что как только герой легенды стал отрицать существование Бога и действительно в это поверил, с того самого момента и наступила для него обещанная кара. Поверив в то, что Бога нет, купец стал опасаться, что и окружающие его могут также дойти до этого вывода и, не сдерживаемые более верою в существование будущей жизни и воздаяния за свои поступки, станут руководиться по отношению к нему исключительно законом борьбы за существование, т. е. устранять его с своего пути, как мешающего им пользоваться жизнью. Это опасение, — а равно сознание, что и самая смерть не может уже принести ему облегчения, так как за смертью ничто его, кроме разрушения, не ожидает, — настолько подействовало на купца, что он совершенно изменил свою прежнюю жизнь, возненавидел родных, близких, в которых стал видеть только лиц, покушающихся ускорить его смерть в своих интересах, и провел остаток своих дней в постоянных нравственных страданиях, страхе и противоречии с своими убеждениями, так как не веря сам в Бога, он постоянно старался убеждать других в его существование, чтобы страхом божеского возмездия удержать их от применения к себе «закона борьбы».

ПРЕДИСЛОВИЕ К СОЧИНЕНИЮ Т. М. БОНДАРЕВА

В своем сочинении крестьянин Бондарев утверждает, что несчастье и зло людей происходят оттого, что они признали своими религиозными обязанностями много пустых и вредных постановлений, а забыли первую несомненную обязанность, выраженную в первой главе Священного Писания: «В поте лица снеси хлеб твой». Разумея под хлебом всю тяжелую, черную работу, нужную для спасения человека от голодной и холодной смерти, он находит, что обязанность эта должна быть признана как неизменный благой закон жизни человека и приходит к тому выводу, что исполнение этой обязанности, прежде всего, уничтожит разделение людей на два класса «ненавидящих друг друга и прикрывающих ласкательством свою взаимную ненависть». «Хлебный труд», говорит Бондарев, «сравнивает всех и подсчет крылья роскоши и похоти». При признании его обязательности, человек не будет иметь соблазна и необходимости хитростью или насилием приобретать хлеб, а, не имея этого соблазна, не будет уже более прибегать к хитрости и насилию и стремиться избавиться себя от труда, наложив его на других, задавить слабых работой, освободив себя от последней.

Такова основная мысль автора, вполне разделяемая и гр. Толстым. В своем предисловии к сочинению Бондырева, Толстой старается доказать, что хлебный труд точно также есть один из тех «отрицательных» (по мнению графа, христианство не дает «положительных» законов, указывающих что надо делать христианину, а лишь «отрицательные», указывающие, чего ему не надо делать в жизни) законов, который вытекает из сущности учения Христа.

Все это учение, как говорит Толстой, влечет нас к тому, чтобы прежде всех других дел любви к людям поддерживать их жизнь, т. е. к первому нужному для жизни другим делу — простому грубому тяжелому труду на земле, прямой непосредственной борьбе с природой. Оправдание нежелания личной работы «можно найти только в коварном дьявольском учении о разделении труда», христианское же учение, по словам автора, будет, несомненно, следующим «не полагай возможным служить людям, поглощая чужие труды и не работая сам себе пропитание своими руками». Сознание этого закона вложено в сердце каждого, проявляется само собою при виде сытым голодного, без следования ему человек не может быть истинно счастливым. Толстой заканчивает патетическим обращением к читателю, призывая его взяться лично за

«хлебный труд» и, суля награду в счастье общения с простым народом, любви, благодарности и уважении последнего.

ПИСЬМО К ФРАНЦУЗУ

В сочинении этом гр. Толстой выражает свой взгляд на значение ручного труда, науки и искусства.

Самое простое и коренное правило нравственности состоит в том, говорит автор, чтобы заставляя служить себе других и требовать от них как можно меньше, самому же служить и давать им возможно большее. Это правило и указывает место, которое в жизни человека должен занимать как ручной труд, так умственная деятельность, наука и искусства; следуя ему можно быть счастливым и довольным только тогда, когда находишься в уверенности, что твоя деятельность полезна другим.

Все результаты, происходящие от личного физического труда (снести ношу, вспахать поле больного, посадить дерево, вырыть колодезь), несомненно, являются полезными, результаты же умственного труда могут быть часто даже вредными для других, полезными же только для того, кто им занимается. Поэтому то, физический труд и должен быть поставлен на первое место, умственным же трудом, наукою и искусством, могут заниматься лишь те, которые уже исполнили свою первую обязанность, т. е. те, которые посвящают им только оставшееся от физического труда время.

Эти люди и будут служить истинной науке и искусству, те же которые под предлогом особого влечения к умственному труду «устраивают себе жизнь дармоеда» — произведут «ложную науку и ложное искусство». Истинными наукой и искусством Толстой считаете лишь те, которые служат «благу человечества», т. е. тому «что вносит единение между людьми», все же остальные, служащие к благу отдельных лиц или обществ (юридические, военные, политико-экономические и т. п. и все произведения современного искусства, «годные только для возбуждения развратных стариков и препровождения времени праздных людей»), он признает «ложными», «огромным мыльным пузырем».

«Не в том мудрость чтобы знать как можно больше — высказывает Толстой, — а в знании того, какие из знаний более или менее важны. Из всех же знаний, нужных человеку, самое главное — как жить, делая больше добра и меньше зла из всех искусств — важнейшее то, которое учит избегать зла и проводить благо с наименьшими усилиями. А таких — то наук и искусств именно и не существует».

ПИСЬМО К ЭНГЕЛЬГАРДТУ

Сочинение это, одно из первых по времени произведений, в которых гр. Толстой выступает на путь проповедничества своих идей (написано ранее «В чем моя вера»), содержит в себе как бы краткую программу, развитию которой он посвящает дальнейшие свои сочинения. В нем впервые проводится ясно принцип «непротивления злу», со всеми теми выводами, которые Толстой делает из означенного принципа.

Отвечая на вопрос Энгельгардта о том, как надо добиваться осуществления евангельского учения и не должно ли заступаться за людей, просящих помощи, хотя бы следовало для этого прибегать и к силе, автор указывает, что помещенная в Евангелии (Мф. 5, 38–39) заповедь о непротивлении злу есть, по его мнению, главное звено всего учения Христа и не признание его таковым послужило основой всей неудовлетворительности современной жизни и общественного строя, всего «безобразного беспорядка, называемого порядком». Заповедь эта настолько ясна и проста, что, как говорит Толстой, «если бы и не было Христа и его учения, я бы сам открыл эту истину».

Отсюда вывод о том, что христианин ни в каком случае не должен «в борьбе со злом» прибегать к насилию, а употреблять все усилия на то, чтобы переносить это зло, не участвуя в нем, вывод подтверждаемый, как кажется автору, всю историю жизни человечества. «Вот частный пример, — говорит Толстой, — вспомните Россию за последние двадцать лет. Сколько истинного желания добра, готовности к жертвам, сколько потрачено нашей интеллигенции — молодой на то, чтобы установить правду, чтобы сделать добро людям. И что же сделано? Ничего. Хуже чем ничего. Погубили страшные душевные силы. Вместо тех страшных жертв, которые принесены молодежью, вместо выстрелов, взрывов типографий, что если бы эти люди верили в учение Христа, т. е. считали бы, что христианская жизнь есть одна разумная жизнь, что если бы вместо этого страшного напряжения сил один, два, десятки, сотни людей отказались бы от исполнения воинской повинности, принятия присяги, участия в суде, исполнения требований насилия по отношению к собственности и т. п. Знаю, что это подвинуло бы дело, и что один путь деятельности плодотворной: не делать того, что противно учению Христа и открыто утверждать это».

Указывая далее, что все учение Христа заключается, собственно говоря, в пяти заповедях ногорной проповеди, которые он и излагает в следующей краткой форме: «1) не сердись, 2) не блуди, 3) не клянись, 4) не судись и 5) не вой», Толстой находит что этими заповедями христианин вполне ясно может разрешить все жизненные вопросы о своих отношениях к власти, собственности, международным сношениям и т. п. Отдавать власти можно деньги, происходящие от противной христианству собственности (впоследствии автор отказывается от этого положения), но не свою душу, не свои дела и не свою разумную свободу (отсюда вывод об отказе от военной службы); по отношению к собственности следует разъяснить, что ее не существует, она есть «миф», известное привычное насилие по отношению к пользованию вещами; международных отношений не существует, все люди братья, а потому не следует сопротивляться врагам, так как «покоряясь я, наверное, делаю лучше».

Христианину не следует смущаться тем, что, действуя подобным путем, он неминуемо должен все ниже и ниже спускаться по общественной лестнице, сделаться чуть не бродягою, нищим, опроститься во всем. «Лучше ли профессора университетов жителей ночлежного дома для христианского дела — это еще вопрос, а что касается до нашего мнимого образования, то пора бы перестать говорить о нем, как о благе», говорит автор и добавляет «вы, верно, знаете про безграмотного мужика Сютаева: его влияние на людей больше и значительнее, чем всех русских ученых и писателей, со всеми Пушкиными и Белинскими вместе взятыми».

В заключение Толстой касается вопроса о своем личном отношении к его учению. Он говорит, что не является проповедником, а стремится лишь опровергнуть ложное понимание христианского учения и разъяснить его настоящее значение. Если он сам и не исполняет всех заповедей последнего, хотя уже изменил в значительной степени свою жизнь, то не потому, что не хочет, а потому что не умеет. За это он просит обвинять лично его, а не тот путь, по которому он идет, не радоваться когда он сбивается с этого пути, а приходить к нему на помощь.

ХОДИТЕ В СВЕТ ПОКА ЕСТЬ СВЕТ Повесть из времен древних христиан

Настоящее сочинение, написанное гр. Толстым в сентябре 1887 года, подобно «письму к Энгельгардту» включает в себе как бы краткое изложение тех положений, защит и дальнейшему более подробному разъяснению коих посвящены автором последующие его произведения. Содержание рассказа заключается в том, что один богатый и знат-

ный язычник, именем Юлий, проведя всю свою жизнь в служении идеалу личного, затем семейного, общественного и государственного блага и приобретении богатства, под старость пришел к убеждению о полной бесцельности подобной жизни, необходимости в корень изменить ее, и вследствие ее присоединился к христианству.

Учение христианства, в том смысле как понимает его гр. Толстой, излагается в нескольких беседах Юлия с другом его, христианином Памфилием, и вкратце повторяет сущность положений гр. Толстого о собственности, браке, личном труде, отрицании науки и искусств, непротавлении злу, государственное насилие, патриотизме, эксплуатации имущими классами рабочих и т. д., подробно изложенных в соответствующих его сочинениях.

ПИСЬМА О ГОЛОДЕ

В нескольких письмах из местностей, пораженных голодом, помещенных в английской газете «*Daily Telegraph*», а затем появившихся в России в гектографированном виде, гр. Толстой, подробно описывая положение голодающего населения и меры, принимавшиеся со стороны администрации и земства для борьбы с народным несчастьем, задается вопросом, насколько представляются целесообразными означенные меры, и где именно кроется корень постигшего значительную часть России неурожая.

По мнению автора, практиковавшаяся раздача хлебных запасов даром и в ссуду (которая все равно не будет никогда возвращена) представляется неудобною, так как непременно повлечет за собою ослабление «самодеятельности» народа, его энергии в приискании работы, а это вызовет еще большую нужду. Между тем помогать надо, говорит Толстой, и заключает, что неразрешимость вопроса о том, как помочь голодающему народу вытекает из того, что правительство и общество взяли собственно за дело, которое им нельзя сделать. «Удивительное дело, восклицает автор, грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу, паразит собирается кормить то растение, которым он питается; мы, высшие классы, живущие все Им, не могущие ступить шагу без Него, мы Его будем кормить. Хорошо, что Он не верит нам. Если бы Он, избави Бог, поверил, что кто-то Его будет кормить и перестал бы сам кормиться и кормить нас, то ведь Он погиб бы и мы с ним».

Отчего же голодает народ? задает вопрос Толстой, и отвечает «неужели надо искать эти *midi a quatorze heures*, когда так все ясно и просто, особенно для самого народа, на шее которого мы сидим и едим; нам, взрослым, если мы не сумасшедшие, можно, казалось бы, понять, откуда голодает народ. Народ голодает оттого, что мы слишком сыты». Толстой находит, что народ всегда будет голодать, раз он должен производить всю ту страшную работу, результаты которой поглощаются обеспеченными классами; в этом состоянии постоянного голодания народа и заключается средство, посредством которого его заставляют «на нас» работать. Положение это, конечно, выгодно для обеспеченных классов, почему последние и остаются, по мнению Толстого, в душе равнодушными к народному бедствию, не изменяют при его виде привычного образа жизни («если нет балов, то только благодаря примеру Государя», — высказывает автор) и т. п.

Между обеспеченными классами и народом нет иной связи, как связи враждебной, господина и раба. Чем лучше ему, тем хуже нам и наоборот. Отчего же не говорить правду? замечает Толстой; «Если бы, пожав пуговичку в Москве или Петербурге, этим пожатием можно бы было убить мужика в Мамадышах или Царевококшайске, и никто бы не узнал про это, я не думаю, чтобы нашлось много людей, которые воздержались бы от пожатия пуговки, если бы это могло им доставить хоть малейшее удовольствие».

Ежели мы истинно хотим помочь народу, говорит автор, то раньше всего необходимо перестать отбирать от него произведения его труда, а затем разорвать разделяющую нас кастовую рознь.

Появление одного из «писем о голоде» в Московских Ведомостях вызвало, как известно, целую полемику и, между прочим, помещение в других органах периодической печати заявления Толстого, что при переводе с русского языка на английский и обратно, многие из выражений и мыслей его произведения были извращены в тенденциозном смысле. Заявление помещено было Толстым по настоянию его жены, графини Софии Андреевны и дочери, графини Татьяны Львовны, и прислано в Москву из деревни при следующем письме графа его супруге, впоследствии также воспроизведенном в различных сборниках запрещенных сочинений Толстого: «По тону письма вижу, что я в чем то провинился и мне перед кем то надо оправдываться. Этот тон надо не допускать. Я пишу, что думаю и то, что не может нравиться ни правительству, ни властным классам, уже 12 лет и пишу не нечаянно, но сознательно и не только оправдываться в этом не намерен, но надеюсь, что те, которые желают, чтобы я оправдывался, постараются если не оправдаться, то очиститься от того в чем не я, а вся жизнь их обвиняет.

В частном же случае происходит следующее: правительство устраивает цензуру нелепую, незаконную, мешающую появляться мыслям людей в их настоящем свете; невольно происходит то, что вещи эти в искаженном виде являются заграницею. Правительство приходит в волнение и, вместо того, чтобы открыто и честно разобрать дело, прячется за цензуру, вместе с тем еще чем-то обижается и позволяет себе обвинять еще других, а не себя. То же, что я писал в статье о голоде, есть часть того, что я 12 лет подряд на все лады пишу и говорю и буду говорить до самой смерти.... есть мои писания в тысячах экземплярах на разных языках, в которых изложены мои взгляды, и вдруг по каким то таинственным письмам, появившимся в английской газете, все вдруг поняли, что я за птица. Ведь это смешно. Только те невежественные люди, из которых самые невежественные это те, что составляют Двор, могут не знать того, что я писал и думал; только они могут думать, что такие взгляды, как мои, могут в один день так измениться и сделаться революционными. Все это смешно. И рассуждать с такими людьми для меня и унижительно и оскорбительно».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ОТЧЕТУ О ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ (28 октября 1893 года)

Автор ранее всего излагает, что занятие распределением пособий голодающему населению привело его к окончательному убеждению, что голод в России произошел не от каких-либо случайных, стихийных причин, а если не исключительно, то главным образом, от антихристианского, небратского отношения обеспеченных классов к рабочему населению, заключающегося в поглощении первыми произведений работы последнего отнятии у него того, что необходимо для его существования и употреблении этих результатов народного труда не в его пользу, как это стараются доказывать, а лишь для устройства себе спокойной и роскошной жизни.

«Перед правящими, богатыми, нерабочими классами, только два выхода, — говорит Толстой — отречься не только от христианства, но и подобия его, и открыто заявить, что они владеют всеми выгодами и преимуществами и силою намерены их отстаивать, или же — признать свою неправду, покаяться, сломать искусственную преграду между ними и рабочим народом, признать его действительно братом, встать самим в равные условия и с ним уже вместе достигнуть тех благ управления, науки, цивилизации, которые мы теперь извне, не спрашиваясь его воли, будто бы хотим передать ему». Это

выход, по мнению его единственно возможный, так как он только и ведет к признанию истинного христианства.

КАКОВА МОЯ ЖИЗНЬ И ЧТО ЖЕ НАМ ДЕЛАТЬ?

Значительная часть этой статьи помещена в печатном собрании произведений Гр. Толстого под заглавием «Мысли вызванные переписью», остальная же часть, неразрешенная цензурой, была в извлечении напечатана за границею. Основная мысль, проводимая Толстым в этом сочинении, есть та, что единственный способ, которым представители имущих классов могут в действительности помочь нуждающемуся простому народу заключается в том, чтобы не отбирать от производителей в свою пользу результатов их труда, не пользоваться чужим трудом и делать все, что возможно своими руками. Автор отрицает справедливость господствующей в науке теории разделения труда, находя ее измышленною в целях оправданий ничегонеделания правящих классов; отрицает пользу приносимую прогрессу человечества государственным устройством, промышленностью, науками, искусством, признавая, что все это вовсе не нужно для рабочих; указывает, что последние сознают уже ныне ненормальность своего положения, что обществу, в современном его смысле, угрожает неизбежность социальной революций, единственное спасение от которой он видит в следовании указанному им пути, т. е. в том, чтобы брать от других только необходимое для жизни и самим нести настоящий, физический труд, с его тратою и опасностью жизни.

ЧТО МОЖНО И ЧЕГО НЕЛЬЗЯ ДЕЛАТЬ ХРИСТИАНИНУ

«Учение Христа, — говорит автор, — было всегда противно учению мира. По учению мира власти управляют народами и, чтобы управлять ими, заставляют одних людей убивать, казнить, наказывать других, заставляют их клясться в том, что они во всем будут исполнять волю начальствующих. По учению Христа, один человек не может не только убивать, но насиловать другого, даже силою сопротивляться ему, не может делать зла не только ближнему, но и врагу своему».

Исходя из этого основного положения, гр. Толстой преподает толкование на известное изречение И. Христа «отдайте Кесарю Кесарево, а Богу Божие». Словами этими И. Христос, по заключению Толстого, разделил человека на две части: человеческую и божескую, высказав, что человеческую можно отдавать человеку, а божескую только Богу, так что если человек верит в Закон Бога, то он может исполнять закон Кесаря только тогда, когда последний не противен Богу. Жизнь полученная от Бога и заключающаяся в служении Ему одному, не может, следовательно, быть отдаваема Кесарю служить человек может только Богу, все же плотское должен отдавать всякому, кто захочет взять, а потом может отдавать и кесарю.

НИКОЛАЙ ПАЛКИН

Основная мысль рассказа заключается в необходимости изменения современного общественного и государственного строя на началах христианства.

Автор встречается с отставным солдатом, служившим еще при Императоре Николае Павловиче (Николае Палкине, как, будто бы, прозывали его солдаты за господство «палки» в солдатской жизни). Солдат рассказывает о порядках тогдашней военной службы с ее телесными наказаниями, шпицрутенами, гонением сквозь строй и т. п.,

причем, по-видимому, ненормальность этих порядков и личное его участие в них все не удивляет и не возмущает рассказчика, так как он считает их основанными на законе, не только государственном, но и божественном.

Толстой возмущается подобным самообманом, построенным, по его мнению, на внушении людям того положения, что для них может быть обязателен какой-либо другой закон, кроме закона Бога, раз первый противоречит второму. Он требует применения к жизни своего толкования евангельского изречения об отдаче Кесарю Кесарева. «Нужны Кесарю мои деньги — бери, мой дом, мои труды — бери, мою жену, моих детей, мою жизнь бери; все это не Божье.

Но нужно Кесарю, чтобы я опустил и поднял прут на спину ближнего, это — Божье. Мой поступок — это моя жизнь, то в чем я отдам Богу отчет; и что Бог не велел мне делать этого не могу отдать Кесарю. Не могу связать, запереть, гнать, убивать человека: все это — моя жизнь, и она Божья, и я не могу, отдавать ее никому, кроме Бога». В непринятии этого взгляда на жизнь Толстой видит основу всей, по мнению его, несправедливости настоящего общественного строя, повторяющего те же ужасы прошлого, но только в других, более современных формах.

РАБОТНИК ЕМЕЛЬЯН И ПУСТОЙ БАРАБАН

Содержание этой сказки заключается в том, что некий царь, желавший отнять у работника Емельяна его жену, задает ему невозможный к исполнению работы, которые тот, при помощи жены, оканчивает однако к сроку. Тогда Царь приказывает ему «пойти туда не знай куда и принести то, не знай что», т. е. дает поручение совершенно невыполнимое.

По указанию жены Емельян отправляется к «старухе мужицкой, солдатской матери»; последняя советует ему отнести царю вещь, которую слушают «больше отца и матери». Вещь эта оказывается барабаном; Емельян приносит его царю, бьет в барабан, на призыв которого собирается все царское войско, повинующееся уже не царю, а обладателю барабана, затем разбивает барабан, и все войско разбегается, царь же, оставшись без солдат, возвращает Емельяну его жену.

Мысль сказки, по-видимому, заключается в том, что всякая власть основывается на насилии, войске, (что и проводит Толстой в других своих сочинениях), подчиняющемся власти благодаря фикции (барабан), выражающейся в идеи присяги. С уничтожением последнего не станет и войска, а вместе с тем и опирающейся на него государственной власти.

ДВА ПИСЬМА О ГЕНРИ ДЖОРЖЕ

В двух письмах «к крестьянину Бондареву» и «к немцу» гр. Толстой разбирает проект Генри Джоржа об уничтожении «возмутительного, жестокого и подлого» права собственности на землю, экспроприации последнего государством и учреждении «единого налога» из арендной платы за пользование землей, платимой государству лицами, ее обрабатывающими.

Толстой признает, что проект этот удовлетворяет вполне требованию настоящего момента, так как в народном сознании уже созрело убеждение в полной ненормальности существующего порядка пользования землей. Главная выгода предлагаемого проекта, — независимо возможности предоставить землю всякому в ней нуждающемуся и тем, между прочим, прекратить нежелательный отлив рабочего класса из деревень в города для поиска работы, — в том что «люди неработающие избавятся от греха пользования чужим трудом, в котором они часто по условиям своей жизни и не виноваты,

и еще большего греха всякой лжи и изворотов для оправдания себя; работающие же освободятся от зависти и озлобления против других, чем и уничтожится одна из причин разделения людей».

СОБСТВЕННОСТЬ **(из сборника «Спелые колосья»)**

Учение гр. Толстого «о собственности» подробнее всего изложено в сборнике «Спелые колосья»; по мнению автора, собственность — фикция, что-то воображаемое, существующее только для тех кто не верует в учение Христа. Христианин освобождается от собственности не каким-либо поступком, не передачей собственности сразу или понемногу в другие руки (не признавая значение собственности для себя, он не может признавать значения ее и для других), а внутренним сознанием, что ее нет и не может быть, что она не нужна ни для себя, ни для других.

Он будет жить, отвечая по Божьи на требования жизни, которые будут ему предъявляться, само собою руководимый невольно своими связями с прошедшим, но будет строить свою деятельность ни как не на отношениях собственности. Если его считают собственником и просят, он может отдавать, если просят на что-либо не противное заповедям Христовым; хотя вообще ничего хорошего в отдавании другому денег не может быть, так как помогать надо другим чистым средством — трудом, а не нечистым — собственностью.

Автор высказывает далее, что собственность может быть и добром, если она есть результат личного труда, доколе таковой не будет нужен другому; собственность же с правом защищать ее и с обязанностью государства ее обеспечивать и признавать, есть зло, антихристианская выдумка. Самое важное для христианства, по мнению Толстого, «не жить так, чтобы ему служили, а так, чтобы самому служить другим»; он отрицает учение о разделении труда и находит, что христианин должен всеми силами, «лишать себя возможности эксплуатировать труд других и самому становиться в положение тех, которые должны служить».

Учение Толстого о собственности дает ему, таким образом, право оставаться собственником весьма ценного имущества, не раздавая последнего неимущими и вообще уклоняться от денежной помощи бедным, что, как известно, он и делает.

ДЕНЬГИ

Научное определение денег как товара, служащего наиболее удобным средством обмена, по мнению автора, измышлено политической экономией, которая, как и всякая другая, воображаемая юридическая наука занимается исключительно лишь «апологией насилия». В действительности деньги не более как одно из средств насилия, к которым государство и имущие классы прибегают для порабощения производителя в целях наиболее удобного способа пользования его трудом. Логический путь рассуждения, благодаря следованию коему, Гр. Толстой приходит к изложенному выводу, заключается приблизительно в следующем: «Всякое порабощение одного человека другим основано только на том, что один человек может лишить другого жизни и, не оставляя этого угрожающего положения, заставить другого исполнять свою волю».

Существуют три способа такого порабощения и три, соответствующие им, угрозы лишения жизни. Древнейший, первоначальный, заключался в употреблении непосредственной прямой угрозы и выражался в форме личного рабства; второй способ — угроза голодом, заключается в том, что «сильный, отобрав запасы и охраняя их мечем, заставляет слабого отдаваться в работу за корм» (экономическое рабство). Для

первого способа сильному необходимо иметь только воинов и делиться с ними одними; при втором способе участвует в насилии и властвует над неимущим всякий имеющий запасы. Наконец третий, позднейший, способ порабощения есть способ дани (государственное рабство). Он основывается также на голоде, но к средству порабощения людей лишением хлеба присоединяется еще и лишение их и других необходимых потребностей. Насильник (государство) назначает с слабых такое количество денежных знаков, им же измышленных и находящихся в его распоряжении, за которые, чтобы приобрести их, слабые обязаны продать не только свой хлеб, но и другие предметы первой необходимости; для пользования этим способом необходима «сложная администрация людей, следящих за тем, чтобы люди или их поступки, обложенные данью, не ускользали от последней», поэтому насильнику следует делиться с еще большим количеством помощников и участниками третьего способа эксплуатации рабочего становится всякий имеющий деньги.

Для полного порабощения рабочего необходимо одновременное существование всех трех способов и они действительно, по мнению автора, находятся налицо в современном государстве: первый выражается в войске, всегда готовом поддержать земельное и податное порабощение, второй — в сосредоточении большей части земли в руках государства или крупных собственников, наконец третий — в требовании государством с подданных денежных податей и налогов, «собираемых посредством управлений и войска, того самого управления и войска, которые содержатся податями».

Истинное значение денег давно уже, по мнению гр. Толстого, распознано простым народом и выражается в пословице «рублем можно бить больнее, чем дубьем». Когда крепостные люди не были освобождены, говорит автор, «я мог заставить Ваньку работать всякую работу, и если Ванька отказывался, я посылал его к становому и становой сек его до тех пор, пока Ванька не покорялся. Теперь же люди свободны, но я могу заставить Ваньку, Сидорку и Петрушку работать всякую работу, и если он откажется, то я не дам ему денег за подати, и ему будут сечь ж... до тех пор, пока он не покорится».

ХРИСТИАНСТВО И ПАТРИОТИЗМ (17 марта 1894 г.)

Люди русские и французские жили много столетий, зная друг друга, входя иногда в дружеские, большею частью, к сожалению, в очень враждебные, вызываемые их правительствами, отношения друг с другом, и вдруг оттого, что два года тому назад французская эскадра прибыла в Кронштадт, и офицеры эскадры, вышедши на берег, в разных местах много ели и пили разного вина, выслушивая при этом и произнося много лживых и глупых слов, и оттого, что в 1893 году такая же русская эскадра прибыла в Тулон, и офицеры русской эскадры в Париже много ели и пили, выслушивая и произнося при этом еще более лживых и глупых слов, — сделалось то, что не только те люди, которые ели, пили и говорили, но и все те, которые присутствовали при этом, и все те даже, которые не присутствовали при этом, но только слышали и читали в газете про это, все эти миллионы людей русских и французских вдруг вообразили себе, что они как то особенно любят друг друга, т. е. все французы всех русских и все русские всех французов.

Начав подобным вступлением свою брошюру «Христианство и патриотизм», гр. Толстой дает краткое описание торжеств, происходивших во Франции по случаю посещения русской эскадры, сравнивая их с симптомами повальной психической болезни, и затем делает вывод, что торжества эти в действительности происходили вовсе не в честь и не для поддержания мира, как их хотели выставить, а служили только выражением чувства патриотизма и вытекающего из него милитаризма.

«Никто не думает о войне, но только миллиарды тратятся на военные приготовления и миллионы людей находятся под ружьем во Франции и России», — говорит Толстой и, задавшись вопросом «*qui diable, trompe-t-ici?*», отвечает: — «обманутым является все тот же глупый рабочий народ, тот самый, который своими руками строил все эти корабли, крепости, арсеналы, пушки, казармы.... и т. д. и привез всех этих фазанов, ортоланов, устриц и вины, которые едят и пьют все эти им же откормленные, воспитанные и содержимые люди, которые, обманывая его, готовят ему самые страшные бедствия», вытекающие из подготовляемой и в тайне желаемой ими войны.

Толстой находит в переживавшемся Европою в момент тулонских праздников времени большое сходство с временем перед русско-турецкою войною («тогда возгорелась вдруг внезапная любовь к каким то братьям славянам, которых никто не знал в продолжении сотен лет»); по его мнению, вероятным последствием этих праздников и охватившего два народа чувства патриотизма, может явиться такое стечение обстоятельств, что «как бы ни был миролюбив Александр III, ему нельзя будет отказаться от войны, которой будут требовать от него все окружающие его, все газеты, и, как это всегда кажется, общественное мнение всего народа». «И не успеем мы оглянуться, говорит автор, как на столбцах газет появится обычное, злое, нелепое провозглашение (так называет Толстой ВЫСОЧАЙШИЙ Манифест об объявлении войны), зазвонят в колокола, оденутся в золотые мешки долговолосые люди и начнут молиться за убийство». Разгорится война «и опять одичают, остервенеют, озвереют люди и уменьшатся в мире любовь, и наступившее уже охристианение человечества отодвинется опять на десятки, сотни лет».

Автор обращается затем к определению чувства патриотизма, которое, «ничто иное, как предпочтение своего государства или народа всякому другому государству или народу». «Предполагается, говорит он, что чувство патриотизма свойственно всем людям и притом является настолько высоким, что в тех, в коих его нет, оно должно быть возбуждаемо».

По определению Толстого, оба эти положения однако неверны. Из своих личных наблюдений народа он приходит к заключению, что в простом, рабочем классе, чувство патриотизма совершенно, будто бы, отсутствует. Народ, по мнению Толстого, живет исключительно интересами добывания себе средств к существованию и вовсе не задается какими-либо вопросами государственными или политическими; человеку из народа совершенно безразлично не только «где проведут какую границу», но даже «какому правительству ему придется платить подати и в чье войско придется отдавать своих сыновей», но интересно лишь — сколько платить податей и аренды за земли, много ли получать за работу и т. п.

Останавливаясь, собственно, на России, автор высказывает, что «несмотря на ту незаслуженную репутацию, которую сделали русскому народу, как народа особенно преданного своей вере, царю и отечеству, — в действительности он есть народ самый свободный от обмана патриотизма и от преданности вере, царю и отечеству». По убеждению Толстого, русский народ вовсе не знает православной веры, а раз знакомится с нею, отбрасывает ее, и принимает учение одной из рационалистических сект; к царю относится если не с осуждением, то с о с е р ш е н н ы м р а в н о д у ш и е м; между своим отечеством и другими государствами не делает никакого различия и охотно переселяется навсегда туда, где находит для себя лучшие жизненные условия.

«Не найдется в России ни одного общества крестьян, — говорит автор, — которое бы на минуту задумалось о том, что ему выбрать из двух предстоящих мест населения: одно в России, с русским батюшкой царем, как это пишется в книжках, и святой верой православной в своем обожаемом отечестве, но с меньшей и худшей землею, или

без батюшки белого царя и без православной веры, где либо вне России, но с большими и лучшими угодиями. Для всякого русского крестьянина вопрос о том, под чьим он будет правительством, имеет несравненно меньшее значение, чем вопрос — не скажу уже: а хороша ли вода, но мягка ли глина, и хорошо ли родится капуста».

Если же чувство патриотизма и проявляется иногда народом, «преимущественно, однако, народной пеной, городской толпой», поясняет Толстой, — то исключительно потому, что правительство и правящие классы возбуждают его к тому всевозможными искусственными средствами. «Пусть бы хоть на время, на год, — перестали бы в России, как это делают теперь, при вступлении всякого Царя во власть, заставлять весь народ присягать ему, перестали бы при всякой церковной службе по несколько раз торжественно произносить обычные молитвы за царя, праздновать с колокольным звоном, иллюминацией и запретом работать дни его рождения и именин, вывешивать и выставлять везде его изображения; в молитвенниках, календарях, учебниках печатать огромными буквами имя его и семьи и даже местоимения, относящиеся к ним; в особых книжках и газетах, только для этого назначенных, возвеличивать его; судить и сажать в тюрьмы за малейшее неуважительное слово, сказанное о царе, — перестали бы хоть на время это делать, и тогда мы увидали бы, насколько свойственно народу, настоящему рабочему народу, — как в этом уверяют народ и уверены все иностранцы, — обожать царя, который тем или другим способом отдает их в руки помещика и вообще богатых».

Толстой находит, что патриотизм в настоящее время представляется не только не добродетелью, но несомненным пороком, это «очень глупое и очень безнравственное чувство»; он уже отжил свое время, то время когда был исторической необходимостью, отвечая и варварскому понятию отечества (когда люди составлявшие отечество, государство, принадлежали к одной народности и вере) и языческому представлению о жизни. В настоящее время, при господстве христианских воззрений, требовании евангелия о любви к врагам (которых, как известно, Толстой в данном случае признает синонимом чужеземцев) — он является безнравственным и опасным анахронизмом. Почему же, однако, патриотизм существует и что его поддерживает, спрашивает автор.

Объяснение этого явления, по мнению Толстого, заключается в том, что патриотизм выгоден для правительств, которые означенным путем стараются оправдать в глазах народа необходимость своего существования, потому что «главное, если не единственное, оправдание существования правительств в том, чтобы умиротворять народы, улаживать их враждебные отношения». «Уверив народы, что они в опасности, правительства подчиняют себе их. Когда же народы подчинятся правительствам, правительства эти заставляют народы нападать на другие народы. И таким образом для народов подтверждаются уверения правительств об опасности от нападения со стороны других народов». Вместе с правительством участвуют в распространении «суеверия патриотизма» и все правящие классы, опирающиеся на первое для достижения возможности эксплуатировать безнаказанно рабочий народ.

При этом, по мнению автора, убеждение в пользе патриотизма настолько уже вродилось в сознание правительств и правящих классов, что многие даже не понимают всей жестокости проповедуемого им обмана, действуют в данном случае *bona fide* и сами совершенно убеждены в необходимости патриотизма и его проявлений не только для эгоистических своих целей, но и для народа. «Толпа же, не будучи в состоянии проверить, что это все делается без малейшей надобности, приписывает всему этому особенное для себя и важное значение и криками восторга или молчаливым уважением встречает все эти проявления».

Толстой иллюстрирует свою мысль следующим примером: «Недавно Вильгельм II заказал себе новый трон с какими то особенными украшениями и, нарядившись в бе-

лый мундир с латами, в обтянутые штаны и в каску с птицей, и сверх этого надев красную мантию, вышел к своим подданным и сел на этот новый трон с полной уверенностью, что это дело очень нужное и важное, и подданные его не только не нашли в этом ничего смешного, но нашли это зрелище весьма торжественным».

Как же освободиться от несвойственного христианскому сознанию чувства патриотизма? Разрешение этого вопроса стоит по убеждению Гр. Толстого исключительно от изменения взгляда на него общественного мнения. Толстой находит, что в настоящее время правительства уже убедились, что господствовать над народами только насилем не представляется более возможным; в помощь себе они захватили и общественное мнение данного момента, стремясь всеми находящимися в их распоряжении средствами заставить последнее двигаться по необходимому для них направлению.

Общественное мнение, однако, неудержимо стремится вперед и ныне уже начинает перерастать понятия и идеалы правительств. Последние все еще думают, да иначе думать и не могут, что объявление войны зависит от желания того или другого представителя власти и что отсутствие ее вызывается «миролюбием» известного коронованного лица. Также разрешает этот вопрос и направляемое правительством общественное мнение настоящего времени. Большинство и теперь еще уверено «что если войны не случилось, то мы обязаны этим, как уверяют нас, миролюбие Александра III, или тому, что Николай Александрович женится на внучке Виктории. А будет на месте Александра другой, или сам Александр изменит свое настроение, или Николай Александрович женится на Амалии, а не на Алисе, и мы, как кровожадные звери, бросимся выпускать кишки друг другу».

Но не так думает настоящее, развивающееся постепенно, общественное мнение, к представителям которого причисляет себя автор. Оно признает уже «истину о братстве всех народов и преступности исключительной приверженности к своему народу»; для того, чтобы оно восторжествовало над искусственным, направленным правительством, общественным мнением необходимо лишь, по словам Толстого, людям, усвоившим себе эти взгляды, открыто их проповедовать и тогда «само собой соскочило бы, как отставшая шкура, то мертвое общественное мнение, на котором держится вся власть правительств, для оправданий коих, помимо патриотизма, нет никаких оснований».

ЦАРСТВО БОЖИЕ ВНУТРИ ВАС (написано в мае 1893 г.)

Учение Христа, по мнению гр. Толстого, совершенно не понимается большинством людей, благодаря, главным образом, двум факторам, стремящимся затемнить истинный смысл этого учения. Этими факторами являются с одной стороны Церковь, с другой наука. Церковь, выдающая себя совершенно неправильно за созданную Христом, навязывает другим свое извращенное понимание, в особенности, метафизическую сторону учения, отбрасывая совершенно сторону нравственную; она обращает внимание исповедующих это церковное учение, главным образом, на догматику с вытекающим из последней идолопоклонством, заменяет, если возможно так выразиться, учение Христа учением «о безобразном идоле, кошунственно развозимом в Москве пьяными людьми под именем Иверской».

Наука, непонимающая того положения, — что вся сущность учения Христа заключается, — как и вообще сущность всякой религии, — в новом определении смысла жизни и того пути, по которому должен следовать человек для своего усовершенствования, — думает что христианство есть то, о чем учит церковь, а потому или признает его учением уже отжившим, потерявшим в настоящее время всякий смысл, или же,

как позитивизм, социализм, коммунизм, старается изменить его на свой лад, приспособить к своим целям и выставляет взамен христианского учения о любви к Богу измышленную ею, не вложенную в сердце человека, любовь к какой-то фикции — всему человечеству.

Наконец, независимо от препятствий выставляемых церковью и наукою, непониманию христианского учения в значительной мере содействует и непонимание того обстоятельства, что принятие его немислимо без совершенного, в корень, изменения всей жизни, стоящей с ним в явном и непримиримом противоречии.

Вся современная жизнь строится на общественном, государственном ее понимании, бывшим прежде исторически необходимым, но ныне, по мнению автора, уже отжившим свое время; только этим пониманием жизни и могло оправдываться в свое время все экономическое и социальное неравенство, в котором Толстой видит сущность всякого государства, неравенство, дальнейшее существование коего представляется совершенно невозможным для людей усвоивших себе уже христианское понимание жизни. Люди эти, постоянно и постепенно увеличивающиеся в числе, сознают все то громадное противоречие, которое существует между современным строем жизни и ее пониманием христианином; они сознают, что жизнь эта устроена слишком дурно, не могут изменить этого своего сознания, а, следовательно, должны стремиться к изменению самого строя жизни.

Высшее проявление противоречия между современным строем жизни и христианским ее сознанием, гр. Толстой усматривает в всеобщей воинской повинности; эта повинность и обязанность исполнять ее для каждого гражданина данного государства совершенно, по его мнению, разрушают самую идею о необходимости последнего, даже с точки зрения прежнего, общественного, понимания жизни.

Человек подчиняется необходимости существования государства, по мнению гр. Толстого, потому, что последнее берет на себя обязанность, взамен уступленной в ее пользу каждым гражданином части своей индивидуальной свободы, обеспечивать ему известные выгоды общественной жизни и в том числе его личную безопасность. Поэтому он может мириться с существованием государства лишь до тех пор, пока сумма обеспечиваемых ему благ менее тех жертв, которые от него требуются.

При существовании же всеобщей воинской повинности подобный баланс совершенно нарушается, так как государство требует от всякого подданного гораздо больше чем дает ему, требует его жизни для защиты того самого государства, оправдание коего в глазах подданного и заключается единственно в обещанной ему, подданному, защите. Независимо сего, каждый подданный, при всеобщей воинской повинности, может быть вынужден употребить оружие не только против внешних врагов, но и против «врагов внутренних!», своих же соотечественников, так как всякое правительство опирается именно на войско для подавления вооруженною силою всех тех, которые недовольны существующим строем. Все это, вместе взятое, заставляет невольно каждого задаваться вопросом, да нужно ли самое государство, со своим, опирающимся исключительно на насилие правительством?

Толстой разрешает этот вопрос в отрицательном смысле. По его мнению, правительства: «эти, — по определению Герцена, — Чингис-Хан с телеграфами», опираются уже не на сознании подданных в их необходимости, — а держатся лишь исключительно благодаря: 1) устрашению, казни тех, которые не считают их существование необходимым»; 2) подкупу, т. е. отбиранию денег от рабочих классов для раздачи их своим помощникам; 3) гипнотизации народа посредством церковной религии, возбуждения чувства патриотизма, захвата в свои руки школ и т. п. и 4) угрозе войска, якобы существующего для обороны от врагов, но в действительности готового ежеминут-

но подавлять малейшие вспышки недовольных. Лица, dorosшие до христианского, истинного понимания жизни, не могут более признавать необходимости государства и правительственной власти и должны стремиться к своему освобождению от последней.

Однако, каким путем может произойти подобное освобождение? Толстой признает что насильственный, революционный способ представляется неудобным: он только заменит одно насилие другим, может быть еще более тяжким. Единственным возможным, по его определению, исходом есть следование учению Христа о том, что жизнь каждого принадлежит Богу, что надо исполнять только Его законы, а не законы личности, общества и государства, раз они противоречат первым. Каждый, понявший это учение, должен устроить сообразно ему и свою жизнь, отказываясь исполнять при этом все те распоряжения правительств, который идут в разрезе с заповедями христианства, и этим подрывать всякую власть государства.

Истинный христианин станет отказываться от исполнения обряда присяги (он не может заранее ничего обещать, так как его могут принудить впоследствии сделать то, что противоречит учению Христа), и тем не признавать себя подданным известного государства; от платежа податей, собираемых в целях насилия, исполнения каких-либо выборных должностей, обязанностей присяжных судей, службы в войсках и т. п. Отказы эти поставят правительство в безвыходное положение.

Действительно, что же останется делать последнему? Ему нельзя подкупить, обмануть, запугать или казнить всех, которые не будут исполнять его требований, останется только махнуть рукой, оставить их в покое т. е. доказать всем остальным свое полное бессилие. «Социалисты, коммунисты, анархисты со своими бомбами, бунтами, революциями, далеко не так страшны правительствам, как эти разрозненные люди с разных сторон заявляющие свои отказы на основании одного и того же всем знакомого учения», — говорит автор и добавляет: «революционеры извне борются с правительством, христианство же вовсе не борется, но изнутри разрушает все его основы».

Толстой задается вопросом о том, наступил ли, однако, действительно момент, когда люди могут уже существовать без государства. Он останавливается на возражении, делаемых защитниками последнего, что уничтожение государства возможно лишь тогда, когда все сделаются истинными христианами, так как иначе при устранении государственной защиты «злые будут властвовать над добрыми». Но ведь это так всегда и было, отвечает автор, всегда злые и властвовали, так как только они и могут пользоваться насилием, без которого невозможно самое государство. «Иоанн IV со своими опричниками, пьяный сифилитик Петр со своими шутами, блудница Екатерина со своими любовниками властвовали над трудолюбивыми, религиозными русскими людьми своего времени и насильствовали их», поясняет он свою мысль ссылкой на историю.

Момент этот уже наступает, заканчивает автор, признаки этого явления уже усматриваются в изменении взгляда общественного мнения на насилие, в совершившемся в значительной мере «охристианения» людей, в том, что лучшие люди уже не желают более служить государству, а избирают другие, свободные профессии, да и сами «насильщики» начинают смотреть на себя иначе, видят свою бесполезность. Вскоре уже наступит время, когда люди скажут себе, что все правительства вовсе не нужны, содержать их нет более надобности, и обратятся к ним со словами «оставьте нас, не мешайте нам делать свое дело».

Автор обращается ко всем с воззванием отрешиться от лжи и лицемерия, сознать, что требует от жизни христианство, перестать защищать государственное насилие, взглянуть на себя как просто на человека, а не лицо, принадлежащее к тому или другому общественному классу (насильщика или насилуемого, опьяненного властью или подобострастием) и тогда само собою переменится весь строй жизни, наступит «Царствие Божие», т. е. установление наибольшего единения всего живущего.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ ГАЗЕТЫ «Daily Chronicle»

Появление «Царства Божия» и «Христианства и патриотизма» вызвало в иностранных литературах массу возражений и обращений с вопросами к самому автору: — какое же устройство человеческого общества он предполагает возможным при уничтожении государства.

Гр. Толстой ответил на эти вопросы письмом на имя редактора газеты «*Daily Chronicle*». Сущность этого ответа заключается в том, что и сам автор не знает, что будет после уничтожения государства. По его мнению, христианину нечего и задаваться подобным вопросом: он должен быть лишь твердо уверен в том, что Бог вложил в наш разум и сердце свой закон не для беспорядка, а для порядка и что от следования открытому нам несомненному закону Бога ничего, кроме хорошего, выйти не может. «Вопрос не только для христианина, но и для каждого человека нашего времени, говорит Толстой, не в том, какое общежитие будет обеспечено: то ли которое ограждается ружьями, пушками, виселицами (как в современном государстве) или то, которое не будет ограждаться этими способами? вопрос лишь в том, хотим ли мы исполнять волю даровавшего нам жизнь Бога». Ответ может быть один, — да хотим; а раз, что ответ этот совмещает в себе «разрушение правительства и уничтожение существующего порядка» — то не есть ли это несомненное доказательство, что «существующий порядок противен воле Бога и должен быть разрушен?»

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЕВДОКИМА ДРОЖЖИНА» (4 марта 1895 г.)

«Во времена язычества христианам было повелеваемо на словах отречься от Христа и Бога и в знак отречения приносить жертвы языческим богам. Теперь, в наше время христианам повелевается уже не только отречься от Христа и Бога принесением жертв языческим богам (приносить жертвы языческим богам можно, оставаясь в душе христианином), а повелевается отречься от Христа и Бога совершением самого несомненно противного Христу и Богу и запрещенного Христом и Богом поступка — клятвы в готовности к убийству, приготовления к убийству и очень часто и самого убийства», — этими словами начинает гр. Толстой свое последнее, появившееся за границей сочинение «Предисловие» к «Жизни и смерти Евдокима Никитича Дрожжина».

Указывая далее, что как в прежнее время отказ истинных христиан исполнять требования языческих властей отречься от Христа и их верность учению и была настоящею причиною разрушения языческого мира, гр. Толстой развивает подробно то положение, что люди, подобно Дрожжину, отказывающиеся от исполнения воинской повинности и принятия присяги, противных их действительным христианским идеалам, однако своею верностью закону Христа «разрушают существующий жестокий порядок, вернее, революций и открывают людям новое радостное состояние всеобщего братства», того Царства Божия, основы которого положены Христом 1800 лет тому назад.

Толстой приводит затем указания на то, что, несмотря на все усилия правительств, число лиц, отказывающихся от присяги и военной службы, становится с каждым годом все более и более; и приходит к тому выводу, что подобное неисполнение требований закона и есть тот «единственный истинный путь, по которому человечество несомненно придет к своему освобождению от зла, сковавшего его, и что на этом пути ничто и никто уже не может остановить его, потому что для освобождения на этом пути

не нужно никаких усилий для уничтожения зла: оно само разлетается как воск от огня, — а нужно только неучастие в нем».

Останавливаясь далее на том, что исполнение воинской повинности и принятие присяги требуются властями, теми властями, которым, по учению церкви, повиноваться внушено самим Богом, автор высказывает, что учение о повиновении властям, изложенное апостолом Павлом в послании к римлянам, в действительности совершенно противоречит учению самого Христа «весь смысл которого состоит в освобождении людей от власти мира и подчинении их одной власти Бога».

Христос всю свою жизнь и отношением к властям показал пример того, как должны поступать те, которые хотят следовать ему; Он не только не повиновался властям, но постоянно обличал их, — говорит Толстой, — и вдруг нас уверяют, что все учение Христа должно быть не только исправлено, но отменено, вследствие необдуманных и хитрых слов, написанных Павлом римлянам.

«Но мало того, что слова Павла противоречат учению и жизни Христа, совсем желанием повиноваться властям, не из страха, но и по совести, это стало в наше время уже совершенно невозможным!». И именно потому «что, вследствие всеобщего распространения просвещения, власть, как нечто достойное уважения, высокое, и, главное, нечто определенное и цельное, совершенно уничтожилось и нет никакой возможности восстановить ее. Ведь хорошо было не из страха только, но и по совести, повиноваться власти, когда люди во власти видели то, что видели в ней римляне — Императора — бога, или как китайцы видят в богдыхане — сына неба; или как видели в средние века, да и вообще до революции, в королях и императорах божественных помазанников, как у нас еще недавно в народе в царе видели земного Бога, — когда и не представляли себе царей, королей, императоров иначе как богов, в величественных положениях, творящих мудрые и великие дела...».

Но как быть теперь, когда все почти «хорошо знают, какие порочные люди были те Людовики XI, Елизаветы Английские, Иоанны IV, Екатерины, Наполеоны, Николаи I, которые царствовали и распоряжались судьбами миллионов и царствовали не благодаря какому-то священному, неизменному закону, а только потому, что люди эти сумели разными обманами, хитростями, злодействами, так утвердить свою власть, что их не могли свергнуть, казнить или прогнать, как казнили и прогнали Карла I, Людовика XVI, Максимилиана мексиканского, Людовика Филиппа и других».

«Как быть теперь, когда все знают, что теперь властвующие короли, императоры, не только не особенные святые, великие, мудрые люди, занятые благом своих народов, но напротив, большею частью, очень дурно воспитанные, невежественные, тщеславные, порочные, часто очень глупые и злые люди, всегда развращенные роскошью и лестью, занятые вовсе не благом своих подданных, а своими личными интересами, а, главное, неустанной заботой о том, чтобы поддержать свою шатающуюся, только хитростью и обманом поддерживаемую власть...», «люди видят и знают, что властвуют собственно не эти властители, а в конституционных государствах члены палат, министры, добивающиеся своих положений интригами и подкупам, а в не конституционных — жены, любовницы, любимцы, льстецы, и всякого рода пристраивающиеся к ним помощники».

Та власть, которой можно было «повиноваться по совести», по мнению гр. Толстого, уже пережила свое время, а осталось лишь «насилие и обман», которым нельзя повиноваться. «Говорят: „Как решиться не повиноваться властям?“», — задает вопрос автор и далее продолжает —: Каким властям? При Екатерине, когда бунтовал Пугачев, половина народа присягала Пугачеву и была под властью его; — что же, какой власти надо было повиноваться? власти Екатерины или Пугачева? Да при той же Екатерине, которая отняла власть у своего мужа-царя, которому присягали, кому надо было повиноваться? продолжать ли повиноваться Петру III или Екатерине? Ни один русский

Царь, от Петра I до Николая I включительно, не вступил на престол так, чтобы ясно было чьей власти надо было повиноваться.

Кому надо было повиноваться: Петру I или Софии, или Иоанну — старшему брату Петра? София имела такие же права на царство, и доказательством того служит то, что после нее царствовали имевшие меньше прав женщины — обе Екатерины, Анна, Елизавета. Чьей власти надо было повиноваться после Петра, когда одни придворные взводили на престол солдатку, любовницу пастора, Меньшикова, Шереметева, Петра — Екатерину I, а потом Петра II; потом Анну и Елизавету и, наконец, Екатерину II, имевшую на престол прав не больше Пугачева, так как во время ее царствования один законный наследник — Иоанн — содержался в крепости и был убит по ее распоряжению, а другой, несомненно законный наследник, был совершеннолетний сын Павел.

И чьей власти надо было повиноваться, власти Павла или Александра, в то время, когда заговорщики, убившие Павла, еще только собирались убить его? И чьей власти надо было повиноваться — Константина или Николая, когда Николай отнимал власть у Константина? — Мало того... в самые мирные времена надо ли повиноваться Аракчееву, захватившему власть, или стараться свергнуть его и убедить царя в негодности его министров. Распоряжается людьми не верховная власть, а ее служители; надо ли повиноваться этим служителям, когда требования их явно вредны и дурны?»

Выводя из изложенного, что постоянно изменяющейся, колеблющейся земной власти повиноваться нельзя, а следует лишь повиноваться единой власти Бога, гр. Толстой рисует яркую, весьма преувеличенную односторонне, картину современного общественного положения и доказывает, что все недостатки последнего и происходят именно от того, что люди не повинуются единому закону Бога.

По мнению автора, однако, человечество неминуемо влечется к тому, что бы, отбросив отжившее уже понятие государства к власти, «вступить в новое состояние братства всех людей, когда и должно наступить „Царство Божие, царство единения и мира“». Для того же, чтобы сделать это Царствие Божие внутри нас, по предположению Толстого, надо быть только тем, чем сделал нас Бог, т. е. разумными и главное добрыми существами, следующими голосу своей совести, и не принимать какого-либо участия, даже неосторожным словом, в гонениях против тех, которые, подобно Дрожжину, проводят в жизнь действительные идеалы христианства. «Ведь как мучили пророков, потом Христа, потом его мучеников, так всегда мучили и мучают тех, которые, любя их, ведут людей вперед к их благу».

«Так как-бы не быть вам участниками этих мучений, — заканчивает автор обращением к тем участникам этих, по мнению его, угнетений, начиная от государя и министров до сторожей и тюремщиков», — «и главное быть участниками напрасно — погубить его тело, себя, свою душу и не только не остановить совершающегося установления Царствия Божия, но, напротив, против воли своей содействовать торжеству его. Оно приходит и пришло уже».

ГОНЕНИЕ НА ДУХОБОРЦЕВ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ Гр. ТОЛСТОГО

После усмирения летом 1895 года волнений среди Кавказских духоборцев, одним из друзей гр. Толстого, ездившим на место для собрания «точных сведений» по этому делу, была составлена записка о действиях администрации и войска во время усмирения. Препровождая означенную записку в редакцию газеты «*Times*», и принимая на себя ручательство в достоверности помещенных в ней данных. Гр. Толстой обратился к редакции с просьбой напечатать этот документ, дабы представлением дела на суд

общественного мнения помочь как гонимым, так «и в особенности, незнающим что творят, гонителям».

К записке присоединено Толстым особое заключение, в котором автор указывает, что деяние духоворцев, выразившееся в отказ участвовать в каких-либо делах насилия, — во имя исповедуемого ими действительного закона Христа о непротивлении ему, ставит правительство в ужасное, прямо трагическое положение. Какие бы меры последнее не предпринимало по отношению к самим духоворцам или лицам, подобно им отказывающимся от участия в военной службе, принятия присяги и т. п., меры эти, по мнению автора, неизбежно будут содействовать уничтожению самого правительства. Если оно не будет вовсе преследовать лиц, отказывающихся от участия в его делах, то выгоды христианского мирного образа жизни этих людей несомненно будут привлекать к ним все большее и большее число последователей, если же правительство будет относиться к ним жестоко, самая эта жестокость станет все более отталкивать от него других и очень скоро «оно не будет уже находить людей, готовых насильем поддерживать его».

Вопрос о том, что же будет, если уничтожится правительство? не интересует автора. Если бы оно уничтожилось насильственно, путем революции, то тогда, по мнению Толстого, еще можно было бы задаваться подобным вопросом, но так как оно уничтожается само собою, в виду того, что несогласно с волей Божией, — то с его разрушением «наступит лишь то, что должно быть, что угодно Богу и согласно с Его вложенным в чаши сердца и открытым нашему разуму законом», т. е. наступит на земле обещанное Царствие Божие.

Ознакомление с существом учения Гр. Толстого по его сочинениям, казалось бы, даст полное основание прийти к тому выводу, что, не касаясь даже богословской его стороны, оно представляется в высшей степени опасным с государственной точки зрения.

Как религиозное учение оно бесспорно является ересью, с чем, конечно нельзя не согласиться даже при беглом с ним ознакомлении. Но такое определение его учения не страшно для Толстого, при его взгляде на церковь, только в ереси и может быть правда.

С точки же зрения государственной едва ли можно также возражать против опасности этого учения. Оно является не более как самую разнузданную проповедь крайнего социализма, коммунизма и анархизма, прикрываемого лишь подкладкою христианства. Граф Толстой, по-видимому, сознает это, а потому представляется интересным, как смотрит он сам на отношение проповедуемого им учения к другим революционным учениям. Определение это находится в одной из статей сборника «Спелые колосья», составленного из афоризмов и мыслей, извлеченных из частной переписки Толстого одним из его последователей, Кудрявцевым. «Мы часто обманываемся тем, — говорит автор, — что, встречаясь с революционерами, думаем, что мы стоим близко, рядом.

Нет государства.

„Нет государства“.

Нет собственности.

„Нет собственности“.

Нет неравенства.

„Нет неравенства“ и многое другое. Кажется все одно и то же.

Но разница есть большая, и даже нет более далеких от нас людей.

Для христианина нет Государства, для них нужно уничтожить государство.

Для христианина нет собственности, а они сокрушить хотят собственность.

Для христианина все равны, а они хотят уничтожить неравенство.

Это, как два конца несомкнутого кольца. Концы рядом, но более отдалены друг от друга, чем все остальные части конца. Надо обойти все кольцо для того, чтобы соединить то, что на концах» (с. 8 об. — 42 об.).